

Не роняйте завхоза с лестницы - артистом станете

Смена - С-Пб -
1996 - 20 апр -
с. 5.

ЛЕТ восемь назад, на волне перестройки театрального дела, при СТД возникло Всесоюзное объединение творческих мастерских. Идея ВОТМа провалилась, как и многие благие начинания тех лет. А можно ли сегодня хоть чем-нибудь помочь людям театра, не сумевшим себя реализовать? - с этого вопроса мы начали разговор с ведущим артистом Малого драматического, тогдашним руководителем ленинградских Мастерских Николаем Лавровым.

- Ну чем поможешь? Еще на заре ВОТМа, когда я рассказывал об этом другу, он удивился: "Елки-палки, в стране жрать нечего, а вы затеваете какие-то эксперименты!" С другой стороны, подкормить товарищей - хорошее дело, я потому на него и пошел. Но все быстро накрылось, потому что и в театрах еле сводили концы с концами. Как ни крути, любая благородная затея упиралась в деньги - эпоха энтузиазма прошла.

И сейчас если сколачивается группа фанатиков, то ненадолго. Они все равно рассчитывают: вот прорвемся, и потекут деньги. Как только не текут - дело гложет. Кроме того, в подобные группы прибываются в основном безработные - как правило, люди среднего дарования. Сужу и по тому, что в свое время отсмотрел в Мастерских. Очень слабый был уровень.

Но даже в нашем театре, где вроде бы безусловная стабильность и сильная труппа, объедившая весь мир с гастрольями, мы прекрасно понимаем: у меня было полное ощущение, что я порвал органику. Ну, не получалась роль Товстоногов все равно настаивал, чтобы я остался. При-

шлось сослаться на то, что "дома" светит звание. "Да, понимаю вас!" - согласился он, но когда я уже был у себя, приглашал снова. А я сказал Додину, возвращаясь, что мне кажется неорганичным работать в другом театре. Он подтвердил мою мысль, и у нас все обошлось полюбовно. Это не значит, что так же полюбовно пошло и дальше. Какие-то конфликты возникают и сейчас.

- Естественно, как в семье...

- Скорее всего, так. Но из семьи ведь тоже уходят. Что, по сути, и случилось в мой тогдашний уход.

- Уходили из-за какой-то определенной обиды?

- В общем, да. Эта неудовлетворенность есть до сих пор. Если раньше я был на положении исполнителя первых ролей, то сейчас возникло ощущение планки: за меня ее определили и выше уже вроде не прыгнуть. А прыгать хочется - иногда. Хочется реализовать себя как-то еще, по-другому. Да и время подпирает. Глядишь - через восемь лет можно собираться на пенсию. Значит, надо трепыхаться и что-то делать.

- Жалеете о театре времен "Татуированной розы"?

- Жалею, конечно. Но тут мне бы совсем не хотелось обидеть Льва Абрамovichа Додина, с которым мы тысячу лет вместе и в друзьях, который столько сделал для театра. Тем не менее тогда было больше студийности, что ли (бог его знает, может, сейчас она проявляется с молодыми). Мы хватили друг друга, заржали, отчего шла цепная реакция. "Разбойник", "Роза",

володинское "Назначение", "Живи и помни", "Дом" - это все было потрясающее творчество. Хотя, скорее всего, с тех пор у театра просто выросли запросы, как говорит Додин, к чему не все оказались готовы. Речь даже не о пластике, голосовых и музыкальных делах - я о готовности выполнить режиссерский рисунок, которого он добивается.

- У вас есть нелюбимые роли, когда на спектакль отплевываетесь как на работу?

- Я все равно всегда хожу на работу. Когда у Яшина спросили: "Какие вы любите удары по воротам?" - тот ответил: "Никаких". Но если уж есть удар, он его ловит. Насколько знаю, для многих профессиональных спортсменов игры - мучительство. Однако стоит выйти на поле или на сцену, что-то включается. Это, наверно, главное, что отличает профессионалов от любителей, которые постоянно хотят играть. А у меня бывает, что и не хочу, но должен. Причем

теперь это вспоминается радужной мечтой. Все денег нет - такое униженное состояние! И до жутких вещей доходит. У Киры Муратовой стоит картина, где главную героиню играет девочка. Когда приступали к съемкам, это был, как задумывалось, неформальный ребенок, но за время простоя у него - извиняюсь - выросли титки и задница. Представляете, что это такое - менять картину при половинке отснятого материала?

А недавно разговорился со Славой Сорокиным. "Коля, невозможно, страшно - нет денег!" - "Ищи спонсора", - говорю. "Что спонсор? Я нашел одного, а он мне: сколько тебе надо? Полмиллиона долларов? Хорошо, дам. Но если деньги не окупятся, я тебя зарежу..." Сенья Спивак признается: мне стыдно чего-то требовать от артистов, когда у них нет нормальной зарплаты.

Но среди молодых все-таки интересный народ уже мелькает. Я видел и на Литейном,

Спонсор, пообещав полмиллиона долларов, предупредил: если деньги не окупятся - убью

сегодня, сейчас - должен сыграть так, как никогда не играл. И я жутко огорчаюсь, если спектакль проходит без открытий. Значит, началось какое-то омертвление. Дело не в насильственном настраивании себя на новые мысли, стремления, оттенки. Просто выходя на сцену, нужно включать голову: что я тут на хрен делаю? Насколько важны мои слова сегодня? Тогда идет непрерывный контакт с залом, какая бы четвертая стена от него ни отделяла. "Дом", "Скамейка" играны по триста-четыре раза, и никогда не известно, к чему сегодня придет спектакль. Эта неизвестность - самое интересное в профессии.

- Вам повезло. Немногие сегодня смогут похвастаться подобным настроением.

- По-моему, талантливые личности пробиваются все равно. Взять того же Особика: ушел из Комиссаржевки - и прекрасно играет в Сатире, вовсе ставит. Когда не остыло желание работать, ему, как правило, находят применение.

Хотя в материальном плане нашего брата, конечно, здорово перепало. Самое ударное подспорье - кино, телевидение - завяло напрочь. Если раньше у меня бывало в год по одной, а то и две картины и не существовало проблем с выездом на Черное море, где я снимался каждое лето, то

равно что по пьянке вести машину. Кроме страха, ничего нет. Вся энергия уходит на то, чтобы никто не заметил.

- Пересмотр отношения к гульбе не связан с возрастом?

- Не знаю, насколько это возрастное, но лично меня никуда не тянет. Поэтому на всякие праздники или ветрозные посиделки выбираюсь с трудом и опаской. Раньше внутри жила какая-то безоглядность, все было легче, хотя и дороже. Среди ночи мчались за водкой, ловили таксистов, а теперь вроде эти проблемы отпали, но прежней искрометности нет. Когда в Париже мы отмечали мое пятидесятилетие, Додин, увидев оставшиеся бутылки, сказал: "Да, стареем. Раньше подмели бы все". Так что, может, дело и в возрасте, хотя я его абсолютно не чувствую. Позвали играть в футбол за команду артистов - побежал с радостью. Мне нравится это ощущение: мать честная, могу! Нравится даже помпезность, с которой мы выступали за кубок мэра. Такие прекрасные вспышки ярких чувств среди будничности: всерьез рвешься к выигрышу, ликуешь, злишься и ругаешься - все по-настоящему.

- Если вы кипите не на футбольном матче, а от какого-то потрясения, вам нужно выговориться, поделиться - или будете носить в себе?

- Это или моя глупость, или бог подарил такой способ разрядки: я, мягко говоря, делюсь со всеми. Начинаю бешевать в гримерке, потом хожу по театру и каждому рассказываю, что со мной стряслось. Может, это помогает выживать.

- Вы поступили к Корогодскому уже после армии. А желание стать артистом появилось рано?

- Я всегда был шептунным, клоуном. В пятом классе с выражением читал "Теркина" и срывал за это призы. Но осознание преимуществ актерской профессии над другими пришло в восьмом классе, после того как я врезался в завхоза на лестнице и опрокинул ее. Вызвали к директору - думаю, все, выгонят. А он говорит: как же так? С одной стороны, нам только что позвонили: на городском конкурсе за исполнение стихов "Ленин и печник" вам присужден диплом первой степени, а с другой - вы нанесли женщине увечье. Ступайте и никогда больше так не делайте... Но оценив наглядные преимущества актерской профессии, я с той же наглядностью расшибал лоб о ее недостатки.

Если у меня сегодня спектакль, я подчинен только ему. Играть под градусом - все

металась страшно.

- Вы закончили режиссерское отделение - душу никогда не тянуло что-нибудь поставить?

- Иногда просыпается что-то. Но режиссурой надо заниматься лишь тогда, когда без нее не можешь. Это все равно как писать стихи. Я же их сочинял взахлеб и песни тоже, когда, забравшись институтом, чувствовал себя изгоем и мне казалось, что моя мечта рухнула. А поступил энергия мгновенно переключилась. С тех пор вспоминаю о способности к стихосложению, лишь когда пишу по заказу или для юбилеев. А сам с собой поэзией уже не заведу.

- Зазвоните, пожалуйста, хоть несколькими строчками.

Я по улице шел -
жутко любящий жизнь;
У киоска лежал
жутко пьяный мужик.
Приподнял я его:
шел бы, парень, домой,
А не то, берегись -
подберет постовой.
Он, качнувшись, пошел.
"Буркнув: наших, мол, знай
И, два шага ступив,
нател на трамвай..."

Ну и так далее. Видимо, я уже тогда предчувствовал безнадежность экспериментов по оказанию помощи творческому люду.

- Могли бы и сегодня сказать о себе: "Жутко любящий жизнь"?

- Конечно. Это настроение со мною постоянно - все годы. Как и верность принципу дворняжки. Меня совершенно справедливо срезали в институте: голоса нет, фактуры никакой, ноги кривые, лицо непонятное, челюсть выдвинута - за что брать в артисты? Тут действительно, надо было крепко подумать, прежде чем взять на себя ответственность обучать на курсе человека с такими данными. Педагоги ведь на самом деле отвечают за тех, кого выводят...

- Ладно, перестаньте. Давайте дальше про принцип дворняжки.

- А принцип дворняжки такой. Выходит собака с медалями - ей ничего делать не надо. Медали сами говорят об экстерере, родословной. А у дворняги ничего нет, она обязана работать. Бегаёт по бревну, берет высоту, забирается по лестницам - чем утверждает себя в этой жизни.

Когда я поступил, то оказался самым старым на курсе, среди юношей и девушек, пребывавших в благостном состоянии: был бы талант, остальное придет само. А мне приходилось все время крутиться, биться носом, доказывать, получать пинки. Я сейчас ребятами, которым преподаю на режиссерско-актерском отделении Академии искусств (бывшего Института культуры), постоянно это вдалбливаю. Чем возьмете? Артисты нынче никому не нужны, режиссеры - тем более. Если перестанете работать, останетесь, ничего не получится. Старая актерская заповедь: сел на велосипед - крути педали. Иначе упадешь. И тогда вряд ли тебе сумеют помочь подняться. При всем желании.

Беседовала
Елена ЕВГРАФОВА